

ЗАГАДОЧНЫЕ ГЛУБИНЫ НАШЕГО «Я»

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ НЕ ПРИНОСЯТ СЧАСТЬЯ

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат
Государственной
премии Республики
Беларусь

Ни на один материал я не затратил столько эмоций и душевных сил, как на эту историю, до краев наполненную болью и разочарованием, отчаянием и надеждами, страстями и страданиями со всеми их оттенками и красками. Ситуация, когда два любящих сердца не могли соединиться на протяжении многих лет, казалась нелепой, дикой, противоестественной. Мои попытки как-то переломить ход событий были безуспешными. И это еще больше угнетало. Чувство беспомощности охватывало всякий раз, когда слышал в телефонной трубке голос Светланы, получал от нее письма или открытки... И лишь недавно история получила свое логическое завершение. Я позвонил в Брест, поздравил Светлану и Витольда. Попросил разрешения продолжить тему в печати. Они не возражали, а Светлана добавила: «Может, другим будет наука».

«ЕГО ЛИЦО СТАЛО БЕЛЫМ КАК СНЕГ»

При ее появлении едва скрыл удивление. Голос той, что накануне звонила мне, показался чересчур усталым, и я приготовился увидеть женщину, по крайней мере, средних лет. А тут в комнату вошло юное существо. Распущенные по плечам волосы. Красивое бледное лицо. Большие карие глаза. Она скованно села в кресло, напряженно сцепила в замок длинные пальцы.

– Я предала человека, которого люблю.

Познакомились мы необычно. У моих родителей есть сад. Однажды забрался к нам мальчишка, набил карманы сливами и пустился наутек. Я догнала его и стала награждать подзатыльниками. Дратья я умею – научила Вероника, подруга. Вдруг мою руку кто-то перехватил. Оборачиваюсь – Витольд, парень с соседней улицы. По нему все местные девчонки сохли. Высокий, русоволосый, голубоглазый. Была равнодушна к нему и я, но меня задевало, что он ни разу не посмотрел в мою сторону.

– Спятила – ребенка бить, – сказал с улыбкой.

В горячке я влепила пощечину и ему. Но он только рассмеялся, скрутил мне руки, подвел к калитке и втолкнул в сад.

Вечером выхожу на улицу – Витольд стоит у калитки.

– Успокоилась?

Я демонстративно оглядела его с головы до ног и отвернулась.

– Есть два билета в театр...

Мы стали всюду бывать вместе. Витольд заканчивал институт, уже и назначение получил – прорабом на стройку. И Вероника, и другие мои подруги считали, что он несовременный. Был совершенно безразличен к модным тряпкам, хотя одевался всегда аккуратно и опрятно. Посмеивался, когда в его присутствии принимались ахать и охать, услышав очередной «шедевр» заграничного рок-ансамбля. Все ансамбли вместе взятые мог променять на одного Моцарта. Дома всю мебель сделал сам по принципу: максимум удобств, минимум претенциозности. Он и предложение мне сделал не по-современному. Явился в черном костюме, белоснежной сорочке и пригалстук, хотя на улице было под тридцать градусов жары. Опустился на колено, поцеловал мне руку... Как в добром историческом романе.

Мы поженились. После скромного ужина отправились в свадебное путешествие. Как я была счастлива! Но длилось мое счастье недолго. Вскоре после возвращения Витольд

попал в аварию. Трое суток пролежал без сознания. Врачи вынесли приговор: жить с такими обширными повреждениями позвоночника будет, ходить – нет.

Каждый день я бывала в больнице, массажировала Витольду спину, ноги. Он держался молодцом.

– Я буду ходить, – все повторял мне. – Я верю в это и сделаю все возможное и невозможное... Я обязан это сделать. Для тебя...

Друзья изготовили тренажеры, укрепили их на кровати. Он начал заниматься. Шли недели, месяцы, но улучшения не было.

Его привезли домой. Я заканчивала техникум, сдавала госэкзамены, и Витольду уделяла меньше времени. С ним чаще была его мать.

Как-то, сдав последний экзамен, мы с Вероникой зашли в кафе.

– Что Витольд? – спросила она.

– Все так же.

После продолжительного молчания Вероника сказала:

– Надо смотреть правде в глаза. Это не твой удел – быть всю жизнь сиделкой, вдовой при живом муже. Ты ведь сильная, презираешь жалость... Ты можешь это сделать...

– Что сделать?

– То, о чем думаешь и сама.

– Да ты знаешь кто? – задыхнулась я от возмущения. – Ты, ты... – не найдя слов, я выбежала на улицу.

Ночью вся изревелась. А утром приняла решение. Подождав, пока свежескровь уйдет на работу, собрала свои вещи. Оставила записку: «Я ухожу». Потом, подумав, порвала ее. Уйти так, по-воровски, значит проявить трусость. А трусость – признак слабости, которую я презирала. Я пошла к Витольду.

– А я ждал тебя, малышка, – радостью загорелись его глаза.

– Витольд, нам надо поговорить...

Он ни разу не перебил меня.

– Ты права, Светлана. Много раз хотел предложить тебе это сам, но не хватило мужества... Желаю тебе счастья...

Лицо у него стало белым как снег.

Я приказала себе поскорее забыть это лицо. Усилием воли заставила чувство подчиниться рассудку. Почему? В этом-то и вся суть.

«ОСЛЕПЛЕННАЯ ЭГОИЗМОМ, СОСТРАДАТЬ Я НЕ УМЕЛА»

И до замужества, и после мы с Витольдом ссорились, лишь когда речь заходила у нас о том, какой должна быть современная молодая женщина. Я считала, что ни к чему ей такие качества, как мягкость, женственность, робость. Предпочтение отдавала жесткости, резкости, холодному рационализму. Слабый пол давно перестал быть таковым. Моим идеалом современной молодой женщины была личность волевая, сильная, без всяких сантиментов. Витольд не понимал меня, потому что был моей противоположностью – человеком мягким и добрым, чем многие пользовались во вред ему же. Я не упускала ни одного такого случая, то и дело напоминала ему о них, желая перевоспитать его, убедить в том, что нынче успеха добиваются лишь люди, для которых доброта – слонтяйство, а гуманность – пустая фраза. Он не соглашался. Среди нравственных ценностей доброту и сострадание ставил на одно из первых мест.

Такие взгляды появились у меня года за три до замужества. Выросла я в интеллигентной семье. У нас был открытый и гостеприимный дом. Люди тянулись к моим родителям, о сердечности и отзывчивости которых знал, наверное, весь город. И надо ли говорить, что лаской и заботой была окружена и я, но в присутствии подруг стыдилась проявлений нежных чувств. В нашей компании утвердился другой стиль: полунасмешливый, полугрубоватый, полудицинный. С нами боялись связываться даже нахалы: мы умели так отбрызнуть, такими словечками... А если не помогало – могли пустить в ход кулаки... Вероника, наша «атаманша», называла такой стиль раскрепощением от внешних условностей, которыми, как сетями, опутало женщину общественное мнение. Тогда я приняла этот стиль весь, целиком. Я восхищалась взглядами и смелостью и Вероники, и ее подруг. «Надо жить умом, – учили они меня. – Сердце бабье жалостливое, через это и наши бабьи несчастья... Надо уметь подать себя, сотворить свой имидж...»

Впервые я услышала это слово, когда мне было шестнадцать лет. Как-то Вероника при мне собиралась на день рождения к

знакомого парню. Приклеив ресницы, напудрившись, подкрасив губы, она начала прохаживаться перед зеркалом, менять походку, мимику, то и дело закуривала сигарету, эффектно держа ее в пальцах...

– Что с тобой? – удивленно спросила я.

– Ты не поняла, что я делаю? Ищу свой «имидж». Каждый имеет право на поиск, на создание своего внешнего образа...

– А мои родители говорят, что внешний образ человека не создается им искусственно, а складывается и зависит от образа жизни, мыслей.

– Забудь, что вещают предки, – перебила меня Вероника. – Послушай, айда со мной. Не пожалеешь.

Весь вечер я смотрела на Веронику и не узнавала ее. Она была не такой, как всегда. Я убедилась: «имидж» сделал свое дело – моя подруга пользовалась большим успехом, хотя сказать, что она красива, не могу. Мне же пришлось отсидеться в уголке.

Это был первый урок того, как надо уметь подать себя. Потом таких уроков было много. Так я пришла к своему идеалу современной молодой женщины.

Родители, заметив перемены в их прежде ласковой и доброй дочери, встревожились, принялись за мое воспитание с еще большим усердием. Но было поздно, я была уже другой.

В ту ночь, решив уйти от Витольда, я поняла, что Вероника права: счастье с калекой мужем – не для меня. Я видела свое будущее другим. Я убеждала себя: во имя этого будущего ты должна собрать всю свою волю, всю свою решимость. Оправдывала себя тем, что мой жестокий шаг необходим нам обоим – для счастья моего и для счастья Витольда. Рассуждать иначе я тогда не могла, для этого надо было уметь сострадать, а я, ослепленная эгоизмом, сострадать не умела.

Осудила меня только мама. После моего возвращения за целый день она обронила только одну фразу:

– Теперь Витольду будет труднее встать на ноги.

А девчонки из нашей компании обрадовались:

– Правильно сделала, жить с калекой из жалости аморально...

Почему-то они решили, что Витольда я разлюбила. Но это было не так. Любовь не прошла. А я хотела, чтобы она прошла как можно скорее, чтобы можно было все забыть.

Жизнь моя круто переменялась. Работа контролера на заводе понравилась, и я с удовольствием выполняла свои обязанности. После работы – вечеринки, дискотеки, кинофильмы... В застольях и танцах время летело быстро. Со стороны поглядеть – жизнерадостнее женщины не сыскать. Но только со стороны. С удивлением я обнаружила, что моя душа стала беспокойной. Что-то точило мое нутро, а что именно, я и сама не знала.

«Я БЫЛА СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ ИЛИ ТОЛЬКО КАЗАЛАСЬ ЕЮ?»

Понадобился год с лишним, чтобы произошла переоценка ценностей. Что повлияло? Многое, обо всем не скажешь. Летом приехала к нам погостить из Хабаровска Оксаночка, двоюродная моя сестренка. Девочке восемь лет. Повезла я ее в Брестскую крепость. Увиденное и услышанное там настолько потрясло Оксану, что она не могла сдержать слез и все допытывалась у меня, как это могло быть, что люди погибали из-за глотка воды... А к вечеру я заболела. Ночью вижу: тихонько открывается дверь, входит Оксана и ставит на тумбочку чашку с водой... У меня комок подступил к горлу...

Витольд говорил, что становление личности должно идти через микропотрясения, так как именно они помогают раскрывать красоту повседневных ценностей. У него таких микропотрясений было много – первое посещение театра, первая сделанная своими руками книжная полка, купленная в впервые заработанные деньги первая книга... Микропотрясения важны не сами по себе, а тем нравственным зарядом, что побуждает человека поступать так, а не иначе. Проснувшись ночью, Оксана вспомнила об увиденном днем и пошла за водой для заболевшей сестры...

Однажды вечером, бесцельно бродя по улицам, зашла я в техникум. За полтора года в нем ничего не изменилось, и это почему-то обрадовало меня. В фойе на доске объявлений висели юмористические рисунки. На одном был изображен пьедестал, на нем лев, под

пьедесталом – заяц. Над головой льва слова: «Каким я кажусь...», над зайцем: «...и каков я есть». На другом были нарисованы старые сани, в них девица в ультрамодном наряде, слова: «Не в свои сани не садись...». Но больше остальных привлек мое внимание рисунок двух человеческих фигур, скрестивших шпаги. Одна фигура была светлой, другая – темной. На светлой крупно, через все «тело» надпись «Быть», на темной – «Казаться». Слова: «Быть или казаться – вот в чем вопрос...».

Я все чаще стала задавать себе вопросы. Жесткой, резкой, не отзывающейся на ласку я хотела быть или хотела казаться? Была сильной личностью или только казалась ею? Соответствовали ли моей внутренней сущности мое поведение, мои взгляды? Я с ужасом убеждалась, что создавала свой внешний образ, позаимствовав для этого чужую «одежду». Я не была – я казалась. И теперь за это расплачиваюсь. Но одна ли я такая? Для многих молодых женщин важнее казаться, а не быть. Сходите на дискотеку... От одних девчат пахнет вином, другие демонстративно дымят сигаретами. Для чего все это? Чтобы казаться веселее, раскрепощеннее, привлекательнее...

Немало сил пришлось потратить, чтобы сбросить с себя всю эту шелуху. Я рада этому безмерно. А еще больше тому, что так и не смогла забыть Витольда. Произошло обратное: я полюбила его еще сильнее. Недавно решила, пошла к нему. Он сидел за кульманом, чертил. Увидев меня, встал, взял стоящие рядом две блестящие трубочки и шагнул ко мне. Я хотела броситься навстречу, но ноги словно приросли к полу.

– Добрый день, Светлана! – Он наклонился и поцеловал мне руку.

Зря, ох, зря он это сделал. Потом полчаса отпаивал меня валерьянкой. И именно в те минуты я до конца поняла, какое благородное сердце предала, какую подлость совершила ради стремления казаться сильной личностью. Мы долго говорили. Витольд работает архитектором – работу приносят ему на дом. Ходить начал несколько месяцев назад. Помогли тренажеры.

Он не простил меня.

Каждый вечер я подхожу к его освещенному окну, смотрю, как он чертит. От моего дома к его дому 1423 шага. Если он меня позовет,

я проползу эти шаги на коленях... Бывают минуты, когда я верю: простит, обязательно простит. А потом наваливаются сомнения...

Если б он только позвал меня!

Она надолго умолкла. А когда подняла голову, я подивился просветленности ее лица. Слово освещалось оно изнутри тихой радостью, но длилось это несколько мгновений. Лицо погасло, в глазах снова появилась боль.

Но чем я (в ту пору собственный корреспондент «Социалистической индустрии» по БССР) мог помочь ей? Газета писала на всякие темы, но предпочтение, конечно же, отдавала экономике. Почему выбор Светланы Немцовой пал именно на нее? Оказывается, тренажеры, которые помогли Витольду встать на ноги, изготовлены по чертежам, опубликованным в газете. И с той поры она стала для него настольной.

– Читайте, что вы – та самая соломинка, за которую хватается утопающий. Не скрою: хотела бы, чтобы, когда будете в нашем городе, поговорили с Витольдом. Ну а если по каким-либо этическим соображениям не сможете этого сделать, то напишите... Витольд обязательно прочтет. Печатному слову он очень верит...

«ПЕРЕЧУВСТВОВАТЬ, ПЕРЕБОЛЕТЬ, ПЕРЕСТРАДАТЬ, ПЕРЕБЛАЖЕНСТВОВАТЬ...»

Прослушивая запись рассказа Светланы, я выделил мысль о том, что естественное поведение, при котором все – интонация, манеры, одежда – полностью отвечает внутренней сущности человека, великое благо. Оно не всем дается от природы. Многим действительно приходится искать свой образ. Процесс этот труден и мучителен прежде всего потому, что затрагивает потаенные глубины нашего «я». Один справляется с ним, другим это не удается. И потому стремление казаться может оставить и незаживающую рану.

Эту мысль я и положил в основу публикации. По совету редакции все 204 отклика, полученные за месяц, послал Витольду с припиской: «Будет правильно, если с ними ознакомится и Светлана». Но очень скоро они пришли обратно. «Прошу писем мне больше не посылать. Будете в наших краях, заходите...»

При очередной командировке в Брест дом, где жил Витольд, нашел быстро. Чистая просторная комната, у окна – кульман, перед ним на стуле с высокой спинкой – Витольд. В углу телевизор. На экране – Ельцин.

– Как вам Ельцин? – вдруг спрашивает Витольд, протягивая мне руку. – У меня навязчивая идея ассоциировать политиков с предметами, скажем так, культурно-бытового обихода. Борис Ельцин – наковальня, немало судеб через нее обломается. Михаил Горбачев – ванька-встанька: из любой ситуации выкручивается. Вячеслав Кебич – парус, может плыть, если команда будет.

И без всякой паузы:

– Прошу прощения, что не изъявил желания прочесть все отклики. Многие из тех, что были у меня, помню наизусть. Из-за этого и сон надолго потерял. А без сна я ни на что не годная тряпка...

Вскоре я привык к его манере вести беседу. Говорит об одном, а уже мысленно прицеливается к другому. Его эрудиции только позавидовать.

– Светлана бывает у вас?

Мне показалось, он слегка отшатнулся. А может, просто прислонился к спинке стула.

– Светлана не показалась вам несколько театрально-экзальгированной? 1423 шага... И мне она говорила об этом. Как раз читала тогда Алексея Толстого. Есть у него роман «Хромой барин». Заканчивается он тем, что барин ползет к своей жене Катеньке на коленях...

– Это чисто внешнее и не определяющее для Светланы. Во всяком случае, мне так показалось при разговоре с ней.

– Знаете, кто мой самый любимый писатель? Белинский. Да, это очень старомодно, сейчас на слуху иные кумиры. Каждому свое. Так вот, Белинскому принадлежит мысль: перечувствовать в душе своей все богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствовать их радостью, их торжеством, их надеждами. Я не поэт. У меня нет творений. Но у меня есть страдания, есть боль, есть надежда. Светлана не перечувствовала их, не переболела ими, не перестрадала. Ей кажется, что любовь вернулась. А на самом деле если это и любовь, то не сердцем. Умом. Это скорее

совесть. А я хочу, чтобы самый близкий мне человек любил меня сердцем. Иначе – это просто сиделка... Да, сиделка мне нужна. Но Светлана заслуживает лучшей доли. Простите, что еще раз сошлюсь на авторитет. В моем положении общение со всем этим, – он обвел заставленные книгами стеллажи, – жизнь. Кажется, генерал Деникин говорил, что воспоминания о предательстве не приносят счастья. А Светлана такая – она будет вспоминать всякий раз, когда ее взгляд упадет на меня. Я же хочу, чтобы она была счастлива... Мы проговорили до полуночи.

Через некоторое время я решил снова побывать у Витольда. Только собрался нажать на кнопку звонка, как дверь открылась: Светлана! Была она в спортивных брюках, в руке держала мокрую тряпку.

– Полы мою.

– Значит, наладилось?

– Витольду дали путевку в санаторий. Повезла его мать. А меня попросила присмотреть за домом. Он об этом даже не знает.

– Вы видите?

– Очень редко...

А может, все проще? Может, нравится ему мучить Светлану? У многих в его положении эгоизм берет верх. Мол, и мне ты не нужна, но и другим не достанешься...

Шло время, я все чаще ловил себя на мысли о том, что смятение Светланы невольно передается и мне всякий раз, когда та звонила или присылала открытку. Свою будущую жизнь она не мыслила без Витольда. Он же по-прежнему считал, что это не принесет ей счастья, хотя и при первой, и при последующих встречах не раз намекал на то, что любит ее.

У меня постепенно рождалось нехорошее чувство к нему. Человек высоких нравственных качеств, обширнейших знаний, мягкий и сострадательный по характеру, он тем не менее не мог выйти из какого-то порочного круга теоретизирования. Им же самим созданного. Стремление вычленил из ума сердце, из сердца – ум казалось в данной ситуации противоестественным, надуманным, лишненным какого-либо основания. Да, Светлана предала его, растоптала их взаимную любовь, разбила их счастливые надежды. Но не потому, что разлюбила, и он это знает. И если любит – почему не может простить? А

если не любит – почему не скажет ей об этом твердо и бесповоротно? Почему не скажет: «Света, возврата к прежнему не будет никогда, устраивай свою жизнь как можешь, без меня»? Почему рассуждает о судьбе своей и ее как бы отстраненно, абстрактно? Перечувствовать, переболеть, перестрадать, переблаженствовать... Прекрасные слова! Но почему у Светланы должно происходить так, как у Витольда? Каждый страдает по-своему. И это хорошо. Ибо наполняет мир чувств, мир любви и страстей чем-то своим, присущим только ей или только ему.

Однако ход моих рассуждений тотчас меняется, как только приходит на память факт, о котором Светлана почему-то не рассказала, возможно, посчитав его несущественным. За полтора месяца после ее ухода Витольд – в прошлом десантник, 1 метр 80 сантиметров сплошных мускулов – похудел настолько, что мать, хрупкая женщина небольшого роста, легко брала его на руки, чтобы перестелить постель. Врачи катастрофическую потерю веса объяснили бессонницей и дикими головными болями.

И я спрашиваю себя: не считает ли Витольд, что она, предав его, расплатилась за его любовь к ней именно этими мучительными ночами, когда воспаленный бессонницей мозг бредил одним именем – Светлана и одной мыслью – свести счеты с жизнью?

Ни разу за полтора месяца она не побывала у него.

Ни разу не передала через знакомых записки.

Ни разу не позвонила.

Этого не может простить ей?

В последнее время новые грани в оценке того, что произошло между ними, появились и у Светланы. Она прислала мне пространное и сердитое письмо, и эта сердитость была, очевидно, навеяна незаконченным спором с Витольдом по поводу внутренней сущности человека.

«Моя вина безмерна, за это я жестоко наказана, – писала она. – Но могла ли я противостоять такому ходу событий? Очень и очень многие формировали свой внутренний мир не сами, а пользовались для этого готовыми деталями модного духовного обихода. А разве сейчас происходит не то же самое? Мы ста-

ли жить богаче, раскрепощеннее, но... Модная одежда, модные увлечения как были внешними атрибутами показной современности и интеллигентности, так и остались. То есть суть престижной потребности нисколько не изменилась. Она, как и прежде, состоит в желании подчеркнуть свою причастность к материальным и духовным благам, недоступным для большинства. Престижно ездить на «мерсах», «лексусах», ходить на концерты Галкина и Баскова, посещать выставки яиц Фаберже... Мы все это видим ежедневно. Наши с Витольдом соседи из кожи вон лезут, чтобы перещеголять друг друга в иномарках, коттеджах, турпоездках в экзотические страны, не говоря уж о тряпках якобы «от Версаче». И так везде. Витольд вроде бы и соглашается с этим, но говорит, что ангедония – неумение человека довольствоваться достигнутым, радоваться жизни – явление временное. Нужно просто пережить этот этап. Конечно, считает Витольд, не все будут при виде капли росы на листочке дерева радоваться так же, как при виде Красного моря. Но таких людей будет все больше и больше. Мне же кажется, что зуд накопительства в нашем обществе потребления никогда не исчезнет. И значит, не исчезнет стремление прикрыть свою нравственную немощь, духовную инертность внешними атрибутами показной современности...»

Так получилось, что разговор на эту тему мы продолжили с Витольдом, когда он позвонил, попросив посмотреть кое-какую литературу в Национальной библиотеке. В конце сказал:

– Светлана только что вернулась из турпоездки. Двенадцать дней была во Франции, Бельгии, Голландии, Испании. Каждый день писала мне открытки. Восемь уже получил, четыре в дороге...

Я подумал, что ее открытки – это гораздо большее, чем желание рассказать об увиденном...

Спустя месяц он простил ее.

ГОД И ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Год потребовался Светлане, чтобы вернуть свою любовь, разрушив счастье свое и любимого человека. И – двадцать шесть лет, чтобы обрести его вновь. ■

